Гу Шэн поспешно достала масляный свёрток и с доброжелательным видом попыталась обмануть Девятое высочество:

— Это слово «чан э бу цюань»… Раньше оно читалось как «цзюнь», но потом его изменили на «цюань». Я прочитала правильно, ты поняла?

Девятое высочество взглянула на еду в её руке, без колебаний кивнула, её лицо выражало искреннее доверие.

Когда западное окно с резными узорами в учебном зале было освещено косыми лучами солнца, отбрасывая длинные тени на стол Гу Шэн, учитель, как обычно, объявил об окончании занятий.

Так завершился первый день Гу Шэн в роли спутницы в учении. Кроме случая, когда она опозорилась, неправильно прочитав иероглиф, никаких других происшествий не случилось. Малышка оказалась не такой уж сложной в обращении.

Большую часть времени Девятое высочество уплетала сладкое пирожное с финиковой начинкой, а после еды смотрела на окружающие её новые предметы и незнакомые лица, время от времени копируя чужие движения, но в целом оставалась спокойной.

Видимо, она ещё не достигла возраста, когда начинает шалить.

Перед тем как войти слуга, Гу Шэн вытащила платок и вытерла лицо Девятого высочества, убрав остатки пирожного с уголков рта, чтобы её не заметили дворцовые надзирательницы.

Как говорила Восьмая принцесса, после отлучения от груди детей во дворце кормили только на восемь десятых сытости, а став взрослыми, они ели на семь десятых.

Придворные врачи из Императорской лекарской палаты предоставили подробные диетические рекомендации, где даже указано, сколько унций мяса может съесть маленький императорский аристократ за день. Кроме времени приёма пищи, служанки и надзирательницы старались как можно меньше позволять детям лакомиться перекусами.

Поэтому, хотя Девятое высочество всё ещё сохраняла детскую пухлость, её маленький животик был пуст.

Но кормить её втихаря было против правил, это Гу Шэн понимала. Иначе Восьмая принцесса не стала бы тайком передавать ей узелок с едой. Поэтому перед выходом Гу Шэн спрятала масляную бумагу, в которую были завернуты пирожные, в самую глубину учебной сумки и, опустив голову, мелкими шажками последовала за Девятым высочеством.

Дворовые стражи и служанки уже были наготове. Увидев, что Девятое высочество выходит, они быстро расступились, освобождая дорогу.

Гу Шэн наблюдала, как маленькая негодяйка подбежала к ноге служанки, мгновенно раскинула ручонки и привычно подняла голову, прося, чтобы её взяли на руки.

Служанка наклонилась, но не подняла малышку, а почтительно произнесла:

— Драгоценная наложница Ю велела напомнить, что в академии нельзя просить, чтобы вас взяли на руки. Когда выйдем из Императорской академии, мы сядем в карету, так что будь послушной, хорошо?

Маленькая негодяйка печально опустила свои «крылышки» и покорно пошла за слугой, который шёл впереди.

Как спутница Девятого высочества, Гу Шэн имела право на специальную дворцовую карету, поэтому ей пришлось следовать за группой служанок, сопровождая Девятое высочество.

Когда «молочный отряд» Девятого высочества достиг ворот второго двора Императорской академии, Цзян Хань как раз неспешно подошла к входу. За ней следовали всего три или четыре слуги, и её свита выглядела куда менее внушительной, чем у маленькой негодяйки.

Хотя их разделяла толпа людей, Гу Шэн всегда чутко реагировала на появление Цзян Хань. Увидев её издалека, её лицо мгновенно покраснело.

Услышав шаги позади, Цзян Хань обернулась, и её красивые глаза, похожие на фениксов, сразу же сузились от улыбки. Она прочистила горло и мягко позвала:

— А-цзю, иди сюда.

Едва её слова прозвучали, как из толпы вырвалась маленькая фигурка, словно стрела, выпущенная из лука, и с громким стуком врезалась в ногу Цзян Хань, обхватив её правую ногу руками, словно коала, и усевшись на её ступне, она взволнованно закричала:

— На ручки! Сестра! Вторая сестра! Возьми меня!

Гу Шэн мысленно покачала головой: «…» Неужели пройти несколько шагов тебя убьёт, маленькая негодяйка?

Цзян Хань, поддавшись натиску малышки, чуть не пошатнулась. Опустив взгляд на капризный комочек, её лицо озарилось сладкой улыбкой, и, не говоря ни слова, она наклонилась, подняла Девятое высочество и прижала к груди, нежно поцеловав её в щёку.

Гу Шэн ещё не успела позавидовать, как маленькая негодяйка тоже потянулась к щеке Цзян Хань и крепко поцеловала её, оставив за собой след слюны…

Цзян Хань, обычно сдержанная и серьёзная на публике, после такого поцелуя не только не рассердилась, но, напротив, оживилась, будто вокруг неё расцвели сотни цветов. Она покачивала Девятое высочество на руках и смеялась:

— А-цзю, чему ты сегодня научилась?

Маленькая негодяйка слегка приоткрыла рот, задумалась на мгновение, затем прищурила светлые глаза, опустила уголки губ и сделала движение, словно гладит воображаемую бороду, явно подражая манере сегодняшнего учителя древних текстов.

Её движения, выражение лица и взгляд были настолько точными, что это вызывало восхищение!

Гу Шэн, увидев это, невольно рассмеялась, поспешно прикрыв рот рукой, и тут же услышала, как Цзян Хань разразилась громким смехом.

Её смех заразил и служанок, которые тоже заулыбались. Гу Шэн подняла взгляд на Цзян Хань и увидела, как та подняла указательный палец, коснулась кончика носа Девятого высочества и засмеялась до слёз.

Эта сцена согрела сердце Гу Шэн.

Оказывается, Вторая высочество так любила Девятое высочество. Что же за ненависть привела этих двух императорских аристократок к тому ужасному будущему?

Гу Шэн опустила голову и подумала: «Если Цзян Хань обречена проиграть Цзян Чэньюэ, я должна заранее найти источник раздора между ними и предотвратить его».

Пока она размышляла, Цзян Хань снова заговорила, её голос звучал лениво:

— Учёба в академии не для того, чтобы ты подражала учителю. Ты выучила какие-нибудь стихи или древние тексты?

Девятое высочество моргнула и восторженно ответила:

— Чан э бу… цзюнь!

Гу Шэн в ужасе закрыла лицо руками.

Цзян Хань прищурила глаза, наклонила голову и с недоумением спросила:

— …Что?

После того как маленькая негодяйка трижды повторила «чан э бу цзюнь», Цзян Хань, наконец, поняла, что имелось в виду, и, понизив голос, смущённо произнесла:

— А-цзю, ты хотела сказать «чан э бу цюань»?

Девятое высочество, подняв брови, энергично кивнула, её взъерошенные волосы на макушке подпрыгнули, а затем она таинственно наклонилась к уху Цзян Хань и наставительно сказала:

— Это слово раньше читалось как «цзюнь»!

Цзян Хань нахмурилась, долго размышляя, но в конце концов не смогла сдержать раздражения. Она повернулась к сопровождающему и приказала:

— Узнай, кто сегодня преподавал в подготовительной школе.

Гу Шэн глотала слёзы, умоляя в душе: «Ради нашей многолетней дружбы, не копай глубже, Цзян Хань! Это не вина учителя! Это я, я, я!»

С глазами, полными горьких слёз, Гу Шэн вернулась домой, решив больше не давать маленькой негодяйке повода для шантажа. Она сразу же отправилась в кабинет господина Гу и с головой погрузилась в учёбу, не отрываясь до самого ужина.

*

Солнце скрылось за западными горами, и слуги зажгли фонари по всему дворцу. Вдали Запретный город выглядел как россыпь светящихся жемчужин на тёмном небе.

Во дворце Цзинъян Вторая высочество, одетая в белоснежное платье с изумрудной отделкой, сидела в кресле в главной комнате, держа в руках фарфоровую чашку с чаем и не спеша отпивая.

Внизу, на коленях, сидел мужчина, его голова упиралась в пол, а толстый живот прижимался к бёдрам, делая его похожим на свернувшуюся креветку.

— Встань, — Цзян Хань поставила чашку на столик. — Верни все деньги и заодно передай письмо господину Чэню из Северного карательного ведомства, объяснив ситуацию.

Мужчина, стоявший на коленях, вытер рукавом слёзы и сопли, но не сразу поднялся, чтобы поблагодарить. Вместо этого он поднял взгляд на Вторую высочество, снова опустил голову и замялся, словно у него были невысказанные опасения.

Цзян Хань подняла бровь и с усмешкой спросила:

— Тебе жалко возвращать деньги?

Мужчина поспешно ударился лбом об пол и закричал:

— Не смею! Благодарю за указание! Но… но…

— Говори, — нахмурилась Цзян Хань.

В этот момент занавеска из бусин в комнате раздвинулась, и в помещение ворвался звонкий смех. Как только смех стих, раздался лёгкий женский голос:

— Только эти деньги я уже потратила на украшения.

Цзян Хань тут же встала и поспешила навстречу, почтительно произнеся:

— Ваша дочь приветствует наложницу Чжуан.

Женщина в ярко-красном платье с восемью складками грациозно вошла в комнату. Её глаза, похожие на глаза Цзян Хань, скользнули по комнате, и она протянула руку Второй высочество.

Цзян Хань быстро подошла и поддержала мать, помогая ей сесть в кресло.

Наложница Чжуан с улыбкой похлопала по руке Цзян Хань, а затем, опустив взгляд на мужчину на полу, сказала:

— Ты можешь идти.

Цзян Хань нахмурилась, взглянув на мужчину, который в замешательстве посмотрел на неё, не решаясь двинуться с места.

Напряжение длилось несколько мгновений, пока Цзян Хань не почувствовала, как взгляд матери упал на неё, выражая недовольство. Она едва кивнула мужчине, давая знак уйти, и тот поспешно поблагодарил и удалился.

Наложница Чжуан усмехнулась, оставив рядом только свою доверенную матушку Лю, и отослала всех служанок. Затем её улыбка мгновенно исчезла, и она холодно произнесла:

— Вторая высочество выросла и больше не видит свою мать.

http://bllate.org/book/16655/1526385